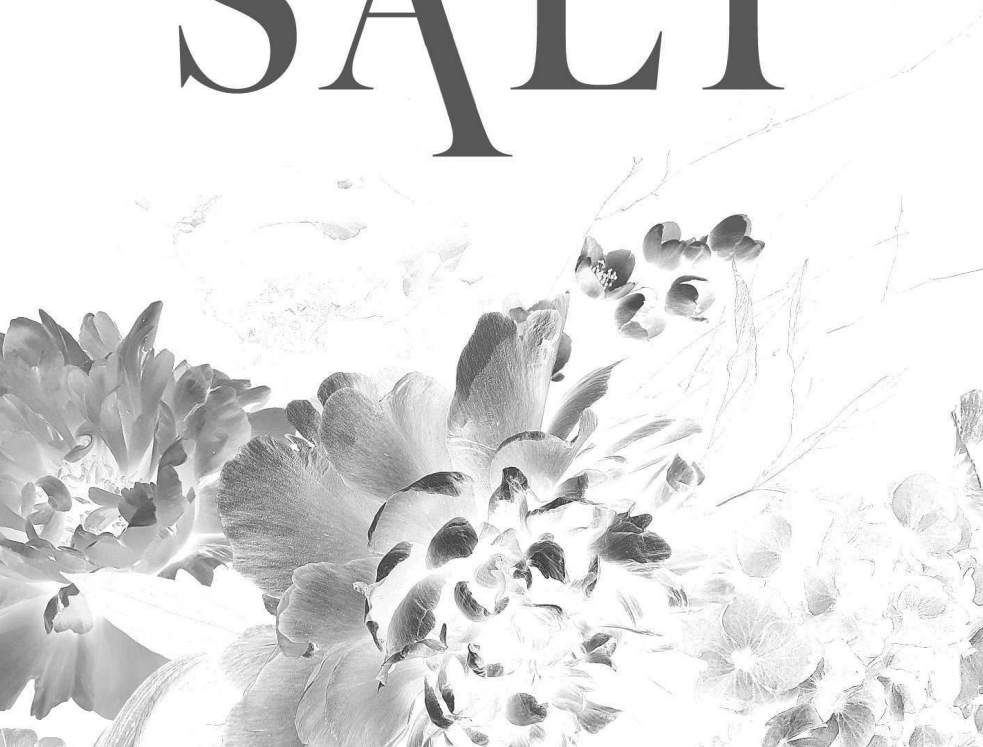

Время женщин

GABRIELA GARCIA

OF WOMEN
AND
SALT

ГАБРИЭЛА ГАРСИА

О ЖЕНЩИНАХ
И
СОЛИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г20

Gabriela Garcia
OF WOMEN AND SALT

Серия «Время женщин»

Печатается с разрешения
Gabriela Garcia

Перевод с английского *Елизаветы Шульги*

В оформлении обложки использовано фото Vinicius Müller

Дизайн обложки *Екатерины Елькиной*

Гарсиа, Габриэла.

Г20 О женщинах и соли : Роман / Габриэла Гарсиа; [пер. с англ. Е. Н. Шульги]. — Москва : АСТ, 2022. — 288 с. — (Время женщин).

ISBN 978-5-17-136112-9

Портрет трех поколений женщин, написанный на фоне стремительно меняющейся истории и географии. От Кубы до Майами, с девятнадцатого века и до наших дней они несут бремя памяти, огонь гнева и пепел разочарований.

Мария Изабель, Джанетт, Ана, Кармен, Глория — пять женщин, которые рассказывают свои истории, не оглядываясь на тех, кто хочет заставить их замолчать.

Пять женщин, чьи голоса с оглушительной силой обрушиваются на жизнь, которой они отказываются подчиняться.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-136112-9

© Of women and salt by Gabriela Garcia.

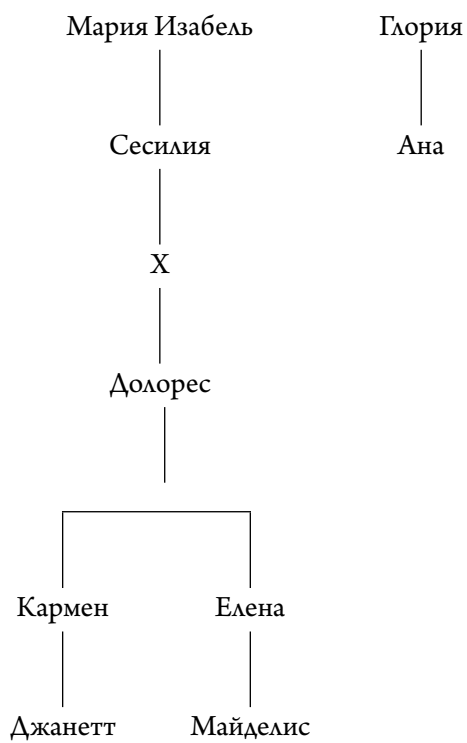
All rights reserved. 2021

© Е. Шульга, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Para mi abuelita Iraida Rosa López¹

¹ Посвящается моей бабушке Ираиде Розе Лопес (*исп.*). —
Здесь и далее *примеч. пер.*

Кармен

Майами, 2018

Джанетт, скажи мне, что хочешь жить. Вчера я смотрела твои детские фотографии. Вымоченная в соли, с налипшими крошками песка, щербато улыбаешься у кромки океана, моя единственная дочь. В твоих руках книга, потому что именно так тебе хотелось проводить время на пляже. Не играть, не купаться, не нырять в волны с разбегу. Тебе хотелось сидеть в тени и читать.

Подросток, раскинулась морской звездой на батуте. Ты замечала, что у нас с тобой одинаковая, чуть кривоватая, улыбка? Снова подросток, Флорида, твой выпускной в «Эпкоте», одна нога в одной стране, другая — в другой. В «Эпкоте»¹, в этом диснеевском мире в миниатюре,

¹ EPCOT (Experimental Prototype Community of Tomorrow — Экспериментальный прототип сообщества будущего) — тематический парк «Всемирного центра отдыха Уолта Диснея», расположенный в городе Орlando, штат Флорида, и посвященный ми-

такое вполне возможно — стоять двумя ногами по разные стороны границы.

Дитя солнца с волосами, постоянно растрепанными ветром, когда-то ты была счастлива. Я вижу это, просматривая фотографии. Вижу, как ты улыбалась. Откуда мне было знать, что ты хранишь такую тайну? Я знала одно: однажды ты улыбалась, а потом перестала.

Пойми, у меня ведь тоже есть секреты. И если бы ты перестала загонять себя в могилу, если бы завязала с наркотиками, возможно, мы могли бы сесть и поговорить. Возможно, я нашла бы в себе силы все тебе рассказать. Возможно, ты бы даже поняла, почему я принимала те или иные решения, почему так боролась за сохранение нашей семьи. Возможно, тут действуют силы, которые никто из нас не брал в расчет. Возможно, если бы я могла увидеть все прошлое целиком, со всеми его развилками, возможно, тогда у меня бы нашелся ответ на вопрос почему: почему наша жизнь сложилась именно так?

Раньше ты говорила: *Ты ничего мне не рассказываешь. Ты никогда не проявляешь эмоций.*

Я виню себя, потому что знаю, что всю жизнь ты ждала от меня большего. Я столько всего скрывала от тебя, а сколько всего наделала, нарочно ожесточаясь. Я думала, что мне нужно быть жесткой за нас обеих. Ты всегда была слабой. Всегда разваливалась на куски. Я решила, что *мне* нужно быть сильной.

ровой культуре и новейшим технологиям. Одна из зон парка носит название «Витрина мира» и представляет собой историко-культурную реконструкцию 11 стран мира.

О женщинах и соли

Я никогда не говорила тебе: *Всю свою жизнь я жила в страхе*. Я перестала общаться с собственной матерью. И я никогда не говорила тебе о причине, по которой приехала в эту страну, и это не та причина, о которой ты думаешь. И я никогда не говорила о том, что считала: если я не озвучу эмоцию или истину, то смогу сделать так, что они исчезнут. Я смогу.

Скажи, что ты хочешь жить, и я стану такой, какой ты захочешь меня видеть. Но я не смогу поддерживать жизнь в нас обеих.

Скажи мне, что хочешь жить.

Я боялась оглядываться назад, потому что тогда я бы увидела, что нас ждет. *До и после*, как соль, размешанная в воде, пока не перестанешь отличать одно от другого, но я чувствую этот вкус на твоей коже, когда прижимаю к себе твое лихорадочное тело во время каждой твоей ломки. Чувствую каждую историю, которая столкнулась с нашей. Я боялась оглядываться назад, потому что тогда я бы увидела, что нас ждет.

НЕ ТАНЦУЙТЕ ЗА ГОРОЙ ДАЛЕКОЙ

Мария Изабель

Камагуэй, 1866

В половине седьмого, когда все крутильщики уже сидели за столами перед стопками табачных листьев и бригадир дал звонок, Мария Изабель склонила голову, перекрестилась от плеча к плечу и взяла в руки первый лист. Лектор со своего возвышения над рабочими сделал то же самое, только в руках он держал не коричневые листья, а сложенную газету.

— Господа мастера, — сказал он, — мы начнем сегодня с письма особой важности от глубокоуважаемых редакторов нашей «Ла Ауроры». Эти герои пера хотят выразить теплые чувства к рабочим, чье стремление к новым познаниям — в науке, литературе и нормах морали — двигает прогресс всей Кубы.

Мария Изабель провела языком по клейкой изнанке следующего листа, землистая горечь которого казалась ей теперь такой родной, словно она родилась с этим вкусом во рту. Она положила размягченный лист поверх стопки

таких же листов, а длинные прожилки — в соседнюю кучку. Крутильщики, которым позволялось курить сколько угодно, чиркали спичками и вдыхали густой дым, прикрывая ладонью зажженный конец. Воздух сгустился. Мария Изабель к тому времени уже настолько надышалась табачной пылью, что у нее регулярно шла носом кровь, но бригадир не разрешал рабочим широко открывать оконные ставни — солнечный свет высушивал сигары. Поэтому она не привлекала внимание к своему кашлю. Она была единственной женщиной в цеху. Она не хотела выглядеть слабой.

По кубинским меркам фабрика была невелика: всего порядка сотни рабочих, хватало, чтобы накрутить сигар с одной плантации в миле отсюда. В деревянном хранилище в центре фабрики хранился высушенный табак — потемневшие на солнце, тонкие листья, которые крутильщики разносили по своим рабочим местам. Лестницу возле хранилища сбоку подпирал стул, на котором сидел лектор Антонио.

Он прочистил горло и развернул газету.

— «Ла Аурора», пятница, первое июня 1866 года, — начал он. — «Дисциплина и моральная чистоплотность, соблюдаемые сигарщиками в наших цехах, их жажда знаний — это ли не несомненное доказательство того, что мы стоим на пути прогресса?»

Мария Изабель порылась в своей стопке, менее качественные листья откладывая в сторону для начинки.

— «... Зайдите в цех, где работает две сотни человек, и вы изумитесь образцовому порядку, который вы там

обнаружите. Вы увидите людей, вдохновенных общей целью: исполнять свой долг...»

В плечах у Марии Изабель уже разливалось покалывающее тепло. Пройдут часы, и неприятное ощущение перерастет в болезненную пульсацию, так что к концу рабочего дня она едва сможет поднять голову. *Исполнять свой долг, исполнять свой долг.* Ее руки двигались безотчетно. Раздастся звонок, и она посмотрит на грудку сигар, гладких, как глина, и сама себе удивится, что успела столько скрутить. Коричневый цвет ложился в ее воображении слоями, которые бесконечно сливались друг с другом: столы становились стенами, листья — глазами, а стебли рук мерно двигались, пока все и вся не становилось частью единой поэзии тела, единой песни, рожденной из пота. Обед. Она устала.

Единственная грунтовая дорога в этом городе проходила мимо ворот фабрики и вела к сахарной плантации в миле отсюда, притом и та и другая принадлежала креольской семье Портеньо. Домой Мария Изабель возвращалась этой тропой, которая змеилась в теньке, позволявшем ей краткую передышку от палящего солнца. Она вспоминала слова Антонио: *«Учеба вошла у них в привычку; сегодня они бросают петушиные бои, предпочитая им газету или книгу; они презирают бой быков; теперь их все чаще можно увидеть в театрах, библиотеках и центрах добрых отношений».*

Это верно, что с тех пор как «Ла Аурора» изобличила варварскую природу петушиных боев и корриды, число

зрителей на них уменьшилось. Но не только газетные советы подталкивали людей к тому, чтобы отказаться от кровавого спорта. Имели место и другие заботы. Среди рабочих ходили разговоры о повстанческих группировках, поднявших движение против испанских лоялистов. О мужчинах, которые проходили боевую подготовку, чтобы присоединиться к повстанцам, уже направляющимся на запад, к Гаване. Недавняя смерть отца Марии Изабель, который за считанные недели сгорел от дьявольской желтой лихорадки, ожесточила ее, так что поначалу она не замечала ничего вокруг себя и ничем не интересовалась. Но вскоре эта тема была у всех на устах.

Однако к тому времени, когда новости о герилье добрались до их стороны острова, уже всюду ползли слухи о междоусобной грызне. Генералы ополчения приходили и уходили, когда их идеи становились неудобны. Гавана, с ее бесконечными поместьями знатных испанских семей, наблюдала за восстанием с безразличием, и казалось все более и более вероятным, что королева не даст мятежникам ни малейшего спуска. Жгучая тревога давно пришла на смену возвышенным идеалам юности Марии Изабель: *свободе, вольности*. Она презирала неведение. Презирала то, что ее собственная жизнь зависела от туманного политического будущего, которое она смутно могла себе представить.

Дом. Мать Марии Изабель, Аурелия, сидела на земле, прислонившись спиной к прохладной земляной стене бохио¹. Она уже вернулась с полей, где сама работала.

¹ *Бохио* — традиционные для стран Карибского бассейна тростниковые хижины круглой формы без окон.